

УДК 94(470)»16/18»

**«ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ НЕИЗВЕСТНОГО ЛИЦА ПО КРЫМУ,
НОВОРОССИИ И КАВКАЗУ. 1818–1820»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КРЫМЕ
(ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Петерс Т. П.

*Издательство «Русский мир», Москва, Российская Федерация
E-mail: peters13@yandex.ru*

Вводится в научный оборот неизвестный архивный документ мемуарного жанра, написанный на французском языке и датированный 1818–1819 гг. Он представляет собой воспоминания о путешествии в южные регионы России. В переводе на русский язык представляются обширные сведения о путешествии по Крымскому полуострову. Рассматриваются вопросы атрибуции (имя и биография автора воспоминаний) и личные наблюдения путешественника об этническом, географическом и социально-экономическом состоянии Крымского полуострова в указанный период. Документ отличается новизной и актуальностью, представляется еще одним историческим источником сведений о Крыме двух первых десятилетий XIX столетия и позволяет восполнить имеющиеся пробелы историко-биографического характера.

Ключевые слова: мемуары; записки путешественника; исторический источник.

Предметом исследования является архивный документ «Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820», который хранится в архиве в личном фонде Воронцовых [РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 1–242 об.]. Он переведен нами с французского языка, подготовлен к публикации и находится в производстве в издательстве.

Документ представляет собой рукопись на французском языке объемом 242 листа с оборотами. Текст написан чернилами на разлинованных листах большого формата, подписи автора не имеется. Рукопись имеет вид чистового варианта, переписанного с черновика, составлявшегося путешественником во время его поездки по указанному в заголовке маршруту. В ней имеются два временных пласта: 1) 1818–1819 – годы путешествия и 2) последующие за ними годы вплоть до 1833. Сведения о положении дел в указанных регионах за эти последующие годы путешественник брал, по его словам, из рапортов, донесений, отчетов градоначальников Крыма и управляющих на Кавказе. Второй пласт дополняет первый и оформлен в виде постраничных сносок, которые путешественник вносил на протяжении 1820–1833 гг.: в 1820–1821 гг., 1827 г. и в 1833 г.; есть также и пометки, которые вписаны им одновременно с созданием рукописи. Документ никогда не переводился на русский язык, не публиковался и до настоящего времени историкам не известен.

Цель статьи – впервые ввести в научный оборот (с элементами источниковедческого исследования) неизвестный архивный источник, который

содержит, наряду с информацией о Черноморском побережье Кавказа, большой пласт сведений о Крымском полуострове.

Ближайшее знакомство с этим материалом показало, что перед нами довольно интересный памятник мемуарного жанра, который, хотя и не лишен субъективного взгляда (что вполне естественно для мемуаристики), является живым источником разнообразнейших сведений, замечаний, описаний, наблюдений и авторских умозаключений о географии, сферах экономики, культуре, общественной жизни южных территорий Российской империи, традициях и быте населяющих его народов.

Мемуарные памятники по признанию специалистов являются важным компонентом общего культурно-исторического процесса. Документ, оставленный путешественником, будучи произведением мемуарного жанра, объединяет в себе и дневник, и воспоминания. Записи в рукописи расположены по годам, с 1818 по 1819 гг., зачастую без указания числа и месяца. Обозначив, например, число, месяц и год выезда из Одессы с группой татарских купцов, путешественник, отвлекшись на описание рельефа, климата, способа передвижения путников по степи, их обычаев, отмечает, что «на четвертый день пути мы добрались до Коренихи, большой деревни на берегу Буга, что расположена напротив Николаева...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 1.].

Помимо этого, в поденных записях дневника обыкновенно фиксируется не прошлый, а настоящий «непредреженный процесс жизни, с еще неизвестной развязкой, совсем еще не отстоявшийся». Однако в исследуемой рукописи в ряде случаев путешественник смотрит на события как бы по прошествии определенного времени, дает ретроспективный взгляд на прошедшее, предоставляет «обдуманное воссоздание действительно прошедших событий» [11, с. 12]. В результате налицо имеется неразмежеванность дневникового начала и собственно мемуарного (формы воспоминаний). Являясь личностно-памятным элементом письменной культуры, эти документы «принадлежат к числу тех произведений, которые больше выигрывают, чем теряют от времени..., что именно время и придает им высший интерес: оно делает их необходимым пособием истории, превращая самые обыкновенные вещи в редкости, заслуживающие глубоких изысканий и соображений потомства...» [2, с. 1–3].

При переводе рукописи на русский язык стояла задача как можно точнее передать мысли автора, отразить равноценными средствами русского языка все нюансы лексики и грамматической структуры французского языка, использованные путешественником в описаниях, не прибегая к купюрам и разбирая затертые временем (в целом при хорошей сохранности архивного документа) впечатления и рассуждения. Максимальное использование всех языковых средств оригинала позволило сохранить целостную структуру рукописи.

Анализ рукописи не оставляет сомнения в том, что в ней переданы личные наблюдения автора, что и определяет ценность данного источника. По новизне и актуальности содержащиеся в ней сведения способны заполнить имеющиеся лакуны в социально-экономической и политической истории народов Крыма 1818–

1819 г., расширить и углубить наши знания по нерешенным и даже спорным вопросам истории региона.

В ходе исследования рукописи возникла необходимость в атрибуции архивного источника, поскольку имя автора указано не было. Во внимание принималось то обстоятельство, что каждый из памятников мемуарного жанра имеет свою историю, каждый занимает особое место в обстоятельствах своего времени. «Их авторы не просто носители определенных общественных тенденций, а неповторимые личности с индивидуальным складом биографии и со своим строем чувств, воззрений, установок, сквозь призму которых преломляются общие для эпохи побуждения...» [11, с. 9].

Имя автора безымянной рукописи «Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820» определилось при ее сравнении с содержанием другой рукописи, которая также хранится в фонде Воронцовых и имеет подпись автора – «Paul Guibal» (Поль Гибаль) [РГАДА. 1261. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1–111]. В ней повествуется о втором путешествии из Одессы в Тифлис, которое, как сообщается в предисловии, происходило в 1821–1822 гг. П. Гибаль сообщал: «В декабре 1819, вернувшись из путешествия в Абхазию, совершенного мною в течение всего этого года и в последние месяцы 1818, я застал в Одессе кавалера Гамбу с его братом и сыном». Как раз именно в этот период (до декабря 1819 г.) и в эти регионы происходило путешествие, отраженное в безымянной рукописи. Путешественник упоминал о «мемуарах, написанных о странах, которые посетил» во время этого путешествия, т. е. о рукописи, которая является предметом исследования.

До настоящего времени имя Поля Гибалья остается загадкой, вот почему любые его контакты, имена людей, с которыми он встречался, его личные записи, а также дополнительные архивные документы и печатные источники были использованы для составления, хотя бы в общих чертах, его биографии. Из рукописи следует, учитывая многочисленные ссылки путешественника на годы вплоть до 30-х гг. XIX столетия, что он жил в Одессе в 1816–1833 гг. Согласно сведениям, обнаруженным в библиотеках и архивах России, которыми мы теперь располагаем, известны три человека с фамилией Гибаль. Все они связаны, так или иначе, с Одессой конца XVIII – начала XIX вв.: Поль Гибаль, Огюст Гибаль и Александр Гибаль.

Имя Огюста Гибалья удалось обнаружить в документах Архива Воронцовых за 1791 г. [1]. Эти документы относятся к периоду русско-турецких войн 1769–1774 и 1788–1791 гг., и в них упоминается русская флотилия, которая в годы 1-й русско-турецкой войны 1769–1774 гг. была направлена из Балтийского моря в Эгейское море, называвшееся «Греческим архипелагом», а сама экспедиция русского флота получила наименование «Архипелагская экспедиция». В списке штаб- и обер-офицеров этой флотилии на 34 имени, «начиная от полковника и кавалера Ламбро Качони среди прапорщиков под № 23 значится «Огюст [Auguste] Гибаль, лекарь» [1, с. 243]. Сообщалось также, что после роспуска флотилии часть состава пожелала остаться в службе, а «другие просят места к поселению и именно, желали бы назначения к тому пристани Хаджибейской». Вполне возможно, что Огюст Гибаль таким вот образом появился в Одессе.

Два человека с фамилией Гибаль упоминаются в публикациях о Ришельевском институте в Одессе, например, в записи, что в 1816 г. «...отец и сын Гибали хорошо известны администрации института» [3, с. 348–349]. Отсюда следует, что они, вероятно, были в Одессе старожилами, известны в Одесском обществе и отмечены какими-то добродетельными поступками.

Из истории газетного дела в Одессе первой четверти XIX столетия до нас дошло имя Александра Гибалья. Александр Варфоломеевич (Богданович) Гибаль родился в Петербурге в 1794 г., происходил из дворян, был сыном коллежского советника. Разница в возрасте с Полем Гибалем, на наш взгляд, составляла не менее 10 лет; он получил образование во Франции; окончив 1811 г. учебный курс в лицее г. Меца, вернулся в Россию до начала Отечественной войны 1812 года, в 1813 г. для получения звания преподавателя подтвердил свое образование в Нижегородской гимназии. В последующие годы А. Гибаль принимал участие в издании (вместе с Ж. Д. Даваллоном, Феррарини, Соронем и Элканом) первой Одесской газеты «*Messenger de la Russie Méridionale*» («Вестник Южной России»), печатавшейся на французском языке. Первый ее номер вышел 1 апреля 1820 г., а первый номер на русском языке под редакцией А. Гибалья – 1 июня 1821 г. [4, с. 5–7].

Некоторые страницы его жизни представляют интерес с точки зрения биографии Огюста и Поля Гибалей. Так, до 1816 г. Александр Гибаль учительствовал в Москве, но затем был вызван Одесским местным начальством для преподавания французского языка в благородном институте «с воли графа Ланжерона». Просить графа Ланжерона о проявлении подобной воли мог, среди других и, возможно, прежде других, Огюст Гибаль, который знал Ланжерона по русско-турецкой войне 1788–1794 гг. К тому же Поль Гибаль отмечал в черновой рукописи, что кавалера Гамбу в путешествии «сопровождал мой брат в качестве переводчика и рисовальщика». Как раз в период 1817–1820 гг. А. Гибаль оказался без должности в связи с закрытием благородного института и вполне мог отправиться вместе с кавалером Гамбой вдоль Кавказской линии, в Астрахань и на Дон. Также он был неплохим рисовальщиком, о чем свидетельствуют его рисунки, сохранившиеся до нашего времени, в том числе его автопортрет; помимо этого прекрасно владел русским языком.

Исходя из гипотезы, что Поль и Александр Гибали являлись братьями, которая, собственно говоря, находит подтверждение в приведенной записи П. Гибалья, можем считать Огюста Гибалья их отцом.

Помимо этих сведений удалось откорректировать годы, в течение которых совершалась поездка, описанная в «Записках о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820», сократив их до периода 1818–1819.

Поль Гибаль оставил о себе мало конкретных сведений, однако некоторые его замечания, разбросанные, буквально, по крупницам в рукописи, представляются довольно интересными для установления в общих чертах его образа. Француз по национальности, он, отлично владея родным языком, превосходно знал русский и итальянский языки, в общении на которых мог обходиться без переводчика, считал себя русским, служил чиновником в ведомстве губернатора Одессы Н. Я. Трегубова.

Николай Яковлевич Трегубов (1756–1845) происходил из дворян Владимирской губернии, дослужился до звания генерал-аншефа, участвуя в сражениях на Кинбурнской косе (1787), под Килией (1790), в кампании 1794 г. Он вышел в отставку в 1798 г., но остался служить по гражданской части на юге России: был членом Таганрогского комитета (1805), градоначальником Одессы (1820–1822). В годы, которыми датируется описанное путешествие, Трегубов исполнял должность председателя Одесского коммерческого суда и состоял главным попечителем купеческого судоходства по Азовскому морю (с 1811 г.)

Поль Гибаль, получив приглашение кавалера Гамбы отправиться с ним во второе путешествие, согласился не сразу; он указал, что «...отбивался долгое время, потому что, будучи при должности на службе, не мог распоряжаться собой без приказа начальства...». При этом отметил, что кавалер, «не сыскав себе никого в попутчики... мне вновь сделал предложение, которое Генерал Трегубов, губернатор Одессы, дозволил мне принять» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1].

Из приключений, в которые Гибаль попадал в своем путешествии и которые красочно описал в воспоминаниях, можно заключить о том, что внешне он был небольшого роста, сухощав, имел около 40 лет, был физически крепок, вынослив, имел военную выправку, владел оружием, ездил верхом. Помимо этих навыков, столь необходимых в поездке, он обладал обширными знаниями по химии, медицине, навигации, географии, истории и культуре народов, с которым встречался в путешествии. Он мог оказать медицинскую помощь, опреснить морскую воду, подсказать капитану судна розу ветров в регионе и направление подводных течений у побережья. У него был немалый опыт путешествий, об этом можно судить, когда он мельком ссылается на путешествие по пескам Египта: учитывая хронологию, события, происходившие в мире до 1818 г., и неизвестные нам обстоятельства появления Гибала в России, можно предположить, что это был Египетский поход Наполеона I (1798–1801), что после разгрома наполеоновской армии и окончательного отречения Наполеона, Гибаль эмигрировал, как это сделали многие его соплеменники.

В Одессе среди его знакомых были путешественники, обосновавшиеся в городе иностранные негоцианты, русские из местного общества, в путешествии он встречался с русскими офицерами из гарнизонов крепостей, управляющими вновь присоединенных губерний. Например, французский купец Карл Яковлевич Сикар, уроженец г. Марселя, который поселился в Одессе в 1804 г. Он был дружен с П. А. Разумовским, внуком гетмана Малороссии К. Г. Разумовского, и хорошим знакомым герцога Э. О. де Ришелье. В среде многочисленной французской диаспоры Одессы, весьма просвещенной в вопросах агрономии, он играл заметную роль. К. Сикар известен также как автор книги об Одессе, которая была издана в Петербурге [10]. Немного позже вышел в свет ее перевод на русский язык, выполненный Н. Я. Трегубовым [9].

П. Гибаль отправился в длительное и опасное путешествие не из чистого любопытства и не из праздности. Он записал, что получил «поручение от господина С. исследовать побережье, на котором проживали Абхазы, и установить с ними

торговлю, основным направлением которой была поставка строевого леса...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 34].

Французская буква «S.», представленная в русском переводе как «С.», могла означать фамилию уже упомянутого К. Сикара. Здесь прослеживается связь между негоциантом Сикаром, в сферу интересов которого входила морская торговля, и Трегубовым, который, по долгу своих служебных обязанностей, тоже имел отношение к этой области.

Созданная Гибалем рукопись для печати, очевидно, не предназначалась; вероятнее всего автором руководило желание запечатлеть увиденное. Его рекомендации по развитию полуострова дают возможность предположить, что он хотел передать записи, например, генералу Трегубову или графу М. С. Воронцову, строителю Крыма.

В части, посвященной Крыму, рассказывается о поездке из Одессы до Керчи по суше в период 26 мая – 30 сентября 1818 г. За четыре месяца Гибаль проехал вдоль побережья Черного моря через Николаев, лиманы (Хаджибейский, Куяльницкий и Телигульский), острова Тендра и Джарылгач, преодолел реки Южный Буг и Днепр, миновал города Херсон, Алешки в Днепроградской степи, въехал на полуостров через крепость Перекоп. В рукописи отмечается, что «в настоящее время въезд в Крым защищен небольшой крепостью, расположенной на полуострове слева от дороги; она неправильной формы и не приспособлена выдержать длительную осаду. Защитные валы покрыты камнем, и с их вершины четко можно рассмотреть чаши двух морей. В прежние времена жилые дома располагались вокруг крепости, теперь обыватели селятся в других местах. Из Перекопа мы за два часа добрались до города Армянска, расположенного в семи верстах от границы. Город Армянск или, как правильно надо называть, Армянский базар на самом деле является частью города Перекопа. Именно в нем проживают служащие, торговцы и ремесленники. Город процветает, а торговля солью приносит огромные прибыли населению. Живут в нем Русские, Евреи, Армянские Татары и цыгане. Окрестные земли неплодородны, и не возделываются, вместе с тем имеются неплохие пастбища» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 10].

Маршрут путешественника пролегал через Армянский Базар, Сарабуз, Симферополь, Карасубазар, Старый Крым; затем почтовым трактом через селения у основания Арабатской косы он въехал в Керчь, чтобы отправиться далее морем в Сухум: «... я отплыл из Керчи 30 сентября 1818 г. на борту шхуны „Черкешенка“, имевшей на борту восемнадцать человек экипажа, включая Капитана. Помимо них было и нас пять пассажиров, в числе которых один Черкес с побережья П[ицунды], возвращавшийся на родину, один Армянский купец из Сухум-Кале, приставленный ко мне проводником и переводчиком на побережье Абазии, один плотник с морских верфей, второй переводчик и я» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 34 об.].

Задерживаясь в городах полуострова, в которых попутчики-татары улаживали свои дела, он посетил многие крымские города: Бахчисарай, Козлов, Судак, Феодосию, Ялту, Алушту, Геническ, Севастополь, и селения. В результате наблюдений, автор представил в воспоминаниях широкое полотно экономического,

социального развития и общественного быта народов, населявших Крымский полуостров.

Описанное путешествие происходило в период между двумя русско-турецкими войнами 1806–1812 и 1828–1829 гг., когда Херсонским и Новороссийским генерал-губернатором был граф А. Ф. Ланжерон (1815–1822). И без, тем не менее, несмотря на межвоенные обстоятельства, земли Крыма, присоединенного, как известно, к России в 1783 г., не были оставлены без внимания со стороны правительства. Примечательно, что для центральной России Крым 1818–1819 гг. был совершенно неизвестным уголком империи, «мертвым краем». Например, путешественник передал, каким виделся Крым его современникам: «Многие путешественники уже писали о Крыме, все отмечали в воспоминаниях его чарующие ландшафты, его благоприятный климат, плодородие его земли, и почти все они преувеличивали. Однако за последние годы этот край был изъезжен во всех направлениях таким большим количеством путешественников, русских и иностранных, всех классов и сословий, что о полуострове создано более точное представление, чем взгляд, который содержится в поэтических описаниях первых путешественников. И, тем не менее, даже в настоящее время Крым остается во многих отношениях мало изученным... Крым, приблизительно, составляет половину Таврической губернии; другая ее часть располагается в Днепровской Степи... в землях, соседствующих с этой территорией, под словом Крым подразумевают всю Таврическую губернию, несмотря на то, что половина ее лежит за пределами полуострова; некоторые присоединяют к ней еще и Тамань. Мне приходилось видеть письма, пришедшие из континентальной России и из заграницы, с надписью на конверте: «в Одессу. Крым» или даже «в Одессу. Русский Крым» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 16 об., 17].

Даже М. С. Воронцов, назначенный на пост новороссийского генерал-губернатора в 1825 г., указывал, что по его убеждению «Крымский полуостров со всеми его естественными богатствами особенно нуждался в оживлении; с этой богатой страной следовало ближе познакомиться и дать толчок развитию этого обильного и мертвого тогда края» [6, с. XLVI].

Хотя Гибаль полагал полезным «предоставить обзор, быстрый и лаконичный об истории, торговле, сельском хозяйстве и промышленности этого края, отсылая, одновременно, за подробностями к авторам, которые изучили каждый из этих разделов с большой широтой» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 17 об.], представляется возможным в данной статье пожертвовать описанием исторического прошлого края в пользу других не менее важных аспектов. В записках рассматриваются географическое положение, рельеф местности, особенности почвы, растительный и животный мир, природные богатства, климат, численность и состав населения, сельское хозяйство и зарождающаяся промышленность Крымского полуострова.

Местность, которую путешественник увидел за Перекопом, не поражала живописностью: «Попадаются и овраги, такой же ширины и глубины, как прежние; деревень в этих краях довольно много, и все они тянутся в том месте, где проходит дорога; из-за своего темного цвета деревенские дома выглядят пятнами, разбросанными по степи. Деревушки имеют жалкий вид, дома в них маленькие,

низкие, из глины, сформованной в большие высушенные на солнце кирпичи; из этой же глины строят стены ограды, окружающей дома, высота которой доходит всего лишь до уровня груди. Эта ограда состоит из нескольких отсеков, каждый из которых приспособлен под стойло для разного вида домашнего скота. Все настолько узкое, что невозможно не задуматься о том, как бы уменьшить толщину стен ограды наполовину и тем самым значительно расширить пространство скотных дворов. Жители отапливают дома коровьими лепешками и пьют довольно плохую воду из колодцев. Деревни здесь бедные, потому что обыватели предаются лени; однако скота у них достаточно, а если и выращивают какие-либо растения, то только для собственных нужд. Путешественник в этих деревнях не может ничего купить, чтобы обеспечить себя в поездке по краю. Помимо своей бедности Татары, к тому же, не любят пускать чужестранцев в свои дома». Напротив, окрестности Симферополя ласкали взгляд путника: «Город располагается на возвышенности на левом берегу Салгира. Вдоль правого берега тянутся прелестные фруктовые сады, окружающие красивые домики. Открывающийся пейзаж весьма живописен» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 12, 14].

О климате Гибаль писал, что «...возле Сиваша и солончаков распространена перемежающаяся лихорадка. Нередко восточный ветер нагоняет с Сиваша зловонный запах, который разносится на большое пространство; местные жители, однако, уверяют, что запах этот вовсе не вреден, а наоборот, предохраняет от лихорадки. В горах климат более умеренный, особенно, в долинах, выходящих на юг и запад. На Южном берегу Черного моря он такой мягкий, что оливковые рощи, персиковые и гранатные сады занимают там немалые участки. В целом воздух здесь очень здоровый, особенно, на возвышенных местах, но в долинах его целебная сила понижается; большинство водоемов...в период засухи...имеют вид простых луж, превратившихся во многих местах в болота. Вот они и являются источниками перемежающихся лихорадок, которые в прежние времена были совсем не редкостью и плохо поддавались излечению...Некоторые уголки на полуострове отличались столь вредным климатом, что располагавшиеся там войска поначалу теряли много людей из-за болезней, и местные жители не верили в способность Русских надолго удержаться в стране, климат которой с такой жестокостью их убивает. Среди таких уголков было устье реки Бельбек, которое окрестили могилой Русской армии» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 27].

Путешественник подметил одновременно, что Россия уже начала вести преобразовательную хозяйственную политику на полуострове, внедрять и распространять неизвестные, но необходимые местным жителям виды сельского хозяйства. Он, не ошибаясь в именах, перечислил устроителей, которым Крым обязан своему развитию в самом конце XVIII в. и первые десятилетия XIX в.: Андреевский Э. С., Богдановский А. В., Бларамберг И. Ф., Мордвинов Н. С., граф де Мезон. Среди них упомянут также генерал-майор Семен Семенович Жигулин, который был губернатором Таврической области в 1789–1796 гг.: «Генерал Жигулин, губернатор Крыма, приучил Ногайцев заниматься сельским хозяйством, и они превратились в умелых пахарей, однако их дома, пища, обычаи и весь образ

жизни выдают в них кочевников, перебивших юрты на дома» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 20 об.].

По поводу развития хлебопашества в Крыму в рукописи имеется интересное замечание Гибалю. Он был знаком с работами авторов, писавших о Крыме, имена которых, к сожалению, не приводит, но ссылается на них. Он критически относится к их замечаниям о примитивном способе вспахивания земель: «Некий автор, говоря о плодородии земель Крыма, отметил, что Татарский землепашец впрягал свою лошадь в колочки, я привожу эти слова без желанья задеть чье-либо самолюбие, водил по своему полю, разбрасывая немного семян, по истечении двух месяцев собирал урожай, отвозил полученное зерно в ближайший порт и возвращался домой с пригоршней пиастров. Досадно, что подобное описание земледелия Крыма, которое по всему можно отнести к золотому веку, кроме, разве что, пиастров, совсем далеко от наилучшей истины. К несчастью, в Крыму, как и повсюду, нет колочек, на которые специально обращаю внимание, и Татарский или иной пахарь унаследовал умение пахать свое поле хорошим плугом, засеивать его и бороновать, чтобы, в результате всего, получить в среднем урожай в соотношении 5/6:1, за исключением засушливого времени, которое в этих местах случается весьма часто, особенно в степи. Автор статистических сведений, с которым я советовался, со своей стороны утверждал, что в Крыму, точнее в Феодосийском уезде, имеются такие плодородные земли, что посеянное зерно через год дает урожай в соотношении 50/60:1. Участок земли в 10.000 десятин, то есть 1/100 часть края, наделенный таким плодородием, окажется, так или иначе, достаточным, чтобы удовлетворить потребности всего населения Крыма. Так что можно еще раз отметить, что подобное мнение является в корне неверным» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 27 об.].

Относительно мер по оздоровлению губительных мест путешественник уточнял, что «...подобных было немало, они занимали обширную территорию полуострова; но начавшаяся обработка земли превратила их в плодородные поля». Гибаль, увидевший также, что татары не имеют привычки пускать в свой дом на ночлег путников, обратил внимание, что для устранения в интересах приезжих «подобного неудобства, Правительство распорядилось построить через каждые две версты довольно просторные дома, в которых могли бы остановиться 5-6 путников; возле них имеются трактиры, в которых любой найдет продукты в достаточном количестве» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 12 об., 27 об.].

Население полуострова привлекло особое внимание путешественника не только этническим разнообразием, он увидел в нем нравственные черты, на которые русская администрация Крыма должна была опереться в своей преобразовательной деятельности. С одной стороны, он писал, что «население полуострова... состоит из русских, татар, греков, армян, караимов, цыган, немцев, болгар, евреев и представителей других национальностей Европы – французов, англичан, итальянцев и пр. В настоящее время русские являются доминирующей нацией в Крыму, но по своей численности они татарам уступают... На втором месте после них стоят татары... Некоторые исследователи подразделяют всех татар на три группы: ногайские татары, степные татары и горные татары. Ногайские татары являются

прямыми потомками первых завоевателей, пришедших на земли Крыма под предводительством Ногая; их раса сохранилась в чистоте и без примесей другой крови. У них калмыцкий тип лица, живут они, преимущественно, к северу от полуострова в Днепровской Степи в Мелитопольском уезде на реке Молочная вода (Молочные воды)...Степные Татары несколько смешались с Турками, особенно, со знатью и Мурзами, которые внешне похожи на европейцев; тем не менее, лица простолюдинов еще сильно выдают их происхождение. Горных Татар не любят их соплеменники...Чертами лица они более походят на европейцев, чем на жителей Азии; образом жизни они отличаются от Степных Татар,...носят азиатскую одежду, умеют хорошо обрабатывать землю...Татары, проживающие на южном побережье Крыма, по мнению некоторых образованных жителей, являются потомками населения Колоний Греков и Генуэзцев». С другой стороны, Гибаль не оставил без внимания, что «люди этой нации по своему характеру ...мягкие, гостеприимные, и ведут себя кротко перед своими начальниками. Они не подвержены порокам, чрезвычайно умеренны во всем и не предаются пьянству...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 19 об., 21 об., 22].

В одном татарском доме, в который его любезно пригласил хозяин на ночлег, Гибаль не мог не заинтересоваться необычными на взгляд европейца пищевыми традициями: «Подали большое блюдо из ковanej стали, в середине которого помещалась деревянная миска, полная сваренного в молоке проса, по всей окружности блюда лежали куски хлеба. Затем принесли другое блюдо с бараниной, куски которой были доверху залиты кипящим жиром. Из напитков подали воду, разбавленную кислым молоком, и напиток оказался вкусным. Вот так, приблизительно, выглядит пища степных татар; иногда они еще употребляют яйца, из которых готовят омлет, добавляя в него один ливр жира на 3–4 яйца, теплое молоко, сыр и иногда конское мясо». Неприхотливость татар, выработанная веками простота их быта поразили Гибаля: «Образ жизни татар более чем простой. Днем они преспокойно сидят в своих кибитках, вожжи в руках, и, кажется, не думают ни о чем; в течение дня съедают кусок хлеба; вечером, когда распрягут и спутают своих лошадей, отправляются за сухим навозом и им разжигают костер; их ужин состоял из хлеба и просяной каши. Небольшой ее мешочек они выкладывают в воду, как следует все перемешивают, после того, как каша хорошо размокнет в воде, они макают в нее пальцы и вытаскивают горстку, которую отправляют в рот, запрокидывая голову назад. Они заедали кашу хлебом, и столь скудная трапеза длилась около десяти минут, после чего усаживались покурить вокруг костра и просиживали за разговорами часть ночи. Они спали, улегшись между оглоблями своих повозок» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 11–11 об.].

В рукописи присутствует описание татарского дома, выполненное весьма живописно и впечатляюще: «Внутреннее его убранство показывало больше достатка, чем внешний вид; дом состоял из трех комнат, первая из них служила прихожей и кухней, и на ее стенах висела кое какая домашняя утварь; вторая комната была отведена для женщин, а третья – для мужчин. Мужская половина оказалась довольно чистой; глинобитная земля служила полом, покрытым сукном и еловыми ветками; мне велели разуться, перед тем как войти в нее. Повсюду лежали

матрасы из простой ткани в широкую полоску, а в каждом углу – 1–2 подушки. В одном из углов стояли сундуки, вмещавшие все богатство семьи, которая, благодаря такой предусмотрительности, наскоро могла собраться, покинуть небогатое жилище и направиться в любую сторону. Горы одеял из грубой хлопковой ткани, набитые шерстью, были сложены возле сундуков. В комнате повсюду свисали платки, салфетки и прочее. Я видел уже татарские дома в городе Байдаре, в которых не разглядишь потолка из-за неимоверного количества свисавших по сторонам платков и полотенец, многие из которых были изготовлены весьма искусно; их количество показывало уровень богатства хозяина дома. Стены дома были выкрашены полосами разной ширины в белый, красный тона и в цвет грифельной доски. Жилище содержится в чистоте, однако сами Татары, не заботясь о личной чистоте, покрыты паразитами, и потому их постель и одежда кишат ими» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 12, 12 об.].

Он заметил различия в традиционных занятиях, которые связал с особенностями территорий проживания: степные татары «...уже давно осели на земле, но возделывают и засевают ее только в случае крайней необходимости. Надо сказать, что в Крымской Степи, если не повсюду, то на большом протяжении, земля не пригодна для пахоты, так что основным занятием Степных Татар является разведение домашнего скота»; горные татары «выращиванием хлеба...занимаются настолько, насколько требуют их личные нужды, продают или обменивают собранный урожай только тогда, когда необходимо приобрести товары, без которых они не могут обойтись, и которых сами не производят. Они занимаются скотоводством в той степени, насколько позволяют условия местности, на которой они проживают, но это является их любимым занятием. Они выращивают также овощи и фрукты, однако за своими садами ухаживают плохо, занимаются также разными ремеслами, например, изготовлением телег, выделкой ковров и ткачеством, изготовлением кирпичей, глиняной посуды, причем с той же неторопливостью, которой они отдаются в любом другом деле». Но, несмотря на подмеченные неспешность, пассивность и ритм жизни в унисон с природой, Гибаль верит в потенциал населения и задается вопросом: «А разве не только их усилиями Крым добьется процветания?» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 26, 28].

Пользуясь статистическими сведениями из официальных документов и личными наблюдениями, он с сожалением писал о сокращении численности татарского населения Крыма, опираясь на которое русские могли бы поднимать экономику полуострова: «До того времени, пока Русские не завоевали Крым, государства Ханов в течение многих лет пребывали в состоянии междуусобных войн, в результате которых уничтожалась немалая часть населения. Оно погибало и в частых вооруженных схватках, и в результате разрушения жилых домов и деревень. За внутренними кровавыми распрями следовали чума и голод, вызывавшие страшные опустошения; большое число Татар всех состояний и иностранцы бежали с насиженных мест, чтобы не стать жертвами подобных бедствий и кровной мести...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 25].

Путешественник отметил результаты политики России по искоренению родовой вражды, неприязни к русским, о и дружеском сосуществовании двух

народов, когда писал, что «...со времени прихода русских обычаи татар во многом изменились самым удивительным образом. При том, я не еще не видел, чтобы татарские женщины ходили по улицам с открытым лицом; но в местах, куда заходят русские, они лицо свободно открывают, а их мужчины не выражают недовольства... [в Симферополе] Русские лавки соседствуют с Татарскими; мечети высятся подле церквей, и когда звон их колоколов призывает православных на божественную службу, голос муэдзина с вершины минарета созывает истинно верующих на молитву. Подобный контраст обычаев, нравов, привычек носит вид братства двух народов, бывших на протяжении длительного времени заклятыми врагами, и принадлежащих таким разным вероисповеданиям, сильно меня поразил, едва я обратил на него внимание. Незаметно для себя я к привык к нему, и воспринял его как что-то вполне естественное» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 15 об., 16].

В сближении двух основных народов, населявших Крым (русских и татар), немалую роль играли татарские муфтии, которые на должность назначались повелением императора (императрицы). Кстати, некоторые из них свободно владели русским языком. Например, в 1802 г. муфтий Таврической области, в которую входил Крымский полуостров, «Сеит Мегмет Еффендий», а в 1808 г. его брат муфтий «Муртаза Челеби Эффендий» «приводили в благоустроенный порядок» обитающий на полуострове народ, отвращали его от «междуусобных мщений», учили и наставляли население [7, с. 188, 252].

Всем национальностям Крыма П. Гибаль уделил внимание в рукописи: греки-предприниматели, занятые в хлебопашестве, рыболовстве, торговле и служащие офицерами в «Императорском Черноморском флоте»; армяне, нашедшие свою нишу в торговле; караимы, которые преуспевали в виноградарстве и выращивании фруктов в долинах вокруг Бахчисарая с «порядочностью и добронравием»; колонии немцев, болгар и молдаван, обрабатывавшие землю «на правах концессии. О русском населении путешественник писал, что они, «...преимущественно, занимают гражданские и военные должности, многие владеют также и землей в Крыму; есть те, кто занимается сельским хозяйством, торговлей, ремеслами и прочими делами. В своем большинстве они живут в городах и деревнях; почти они одни составляют население Севастополя, являясь матросами или служащими Флота». Он встречался с иностранцами, которые «прижились в морских портах, преимущественно, в Феодосии, однако их немало и внутри полуострова, где они вовлечены в торговлю и промышленность, а также занимаются ремеслами. Многие из них в прошлом владели землями. Среди них больше всего французов и итальянцев; попадаются, однако, англичане и немцы» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 19 об., 23].

При этом, отмечая подчинение всех представителей этих наций «законам Империи», он подчеркнул, что правительство императора Александра I уделяло более внимания именно татарам, и указал на некоторые льготы для них со стороны России. Например, разводы и наследование имущества производились среди них по их старым обычаям. Кроме того, они были освобождены от рекрутства и налогов на некоторое время. Также Гибаль с воодушевлением записал о заслугах татар Крыма в 1812 г., когда они собрали четыре полка волонтеров, которые отличились в течение всей войны. Автор имел в виду крымскотатарские полки (конно-татарские полки),

иррегулярные кавалерийские части, сформированные 24 января 1808: Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский. По повелению Александра I командирами полков назначались представители крымско-татарской знати: Феодосийский конно-татарский полк (капитан Али-Мурза Ширинский); Симферопольский (подполковник К. М. Балатуков), Перекопский (подполковник Ахмед-бей Хункалов); Евпаторийский (поручик Ширинский).

К первым десятилетиям XIX в. доходы экономики Крыма поступали, прежде всего, от использования природных богатств. В качестве главного путешественник называет соль: «Соль является основным и наиболее доходным продуктом Крыма. Большие залежи соли Перекопа, Керчи и Козлова, которые принадлежат Казне, приносят ей ежегодно свыше шести миллионов. Несколько более мелких месторождений соли принадлежат частным владельцам, которые имеют от них, однако, немалые прибыли. Значительная часть соли, которая на них добывается, экспортируется морским путем; однако больше всего ее сбывается внутри страны; в Перекоп из года в год прибывает несколько миллионов пустых телег, запряженных парой волов и принадлежащих малороссам, которые перевозят соль внутрь России. Среди соляных озер Крыма следует отметить Сакское озеро, грязь которого обладает целебными свойствами, уже оцененными по достоинству. Его часто посещают немощные люди» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 32].

Соляной промысел был очень доходным для России того времени, в нем было задействована значительная часть населения. Существовали целые селения (слободы) «соляных возчиков», во главе которых стояли назначенные головы; они отвечали не только за перевозку соли, но заботились о «солевозном скоте», а наиболее старательные организовывали оказание помощи «неимущим возчикам». Как отмечал путешественник, «богатые солончаки Крыма...представляют собой высохшие лиманы, наподобие тех, которые я описал. Случается иногда, особенно в годы сильной жары и, если зима была не слишком влажной, что лиманы, на которых обычно солончаки не образуются, неожиданно полностью высыхают; тогда соль открывается и на дне таких лиманов слоями, толщиной в 2–3 дюйма» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 9].

Кроме добычи соли «фруктовые сады являются одной из главных культур Крыма...За последние 15 лет увеличилось количество лучших сортов, а выращивание питомников приобрело большой размах. Крым поставляет в Россию немало яблок, груш, слив, грецких и лесных орехов. Торговля день ото дня возрастает, привлекает в Крым много купцов из Великой России, и составляет одну из отраслей промышленного выращивания этой продукции у татар...Виноградарство является отраслью, на которую владельцы земель на побережье возлагают большие надежды, и с недавних пор оно получило существенный размах» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 28 об.].

Пчеловодство и шелководство не прижилось в Крыму, как сообщал Гибаль, зато скотоводство по-прежнему оставалось главным богатством Крыма, преимущественно в степной его части. Например, из коренных, типичных только для Крыма, пород овец Гибаль упомянул «чудные породы из Козлова, которые называются Астраханский ягненок». По его подсчетам, из Крыма ежегодно

вывозилось на экспорт 30.000 серых и 60.000 черных шкур; в 1808 г. во всей Таврической губернии имелось 113.101 лошадей, 39.000 голов рогатого скота, 152.900 овец и 5.200 верблюдов, и около половины разводилось в Крыму [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 30].

Путешественник вместе с тем записал: «Мануфактурное производство остается в зародышевом состоянии и не может удовлетворять потребности населения. В Бахчисарае Татары изготавливают ножи и сабли из хорошо закаленной стали; кроме этого выделывают сафьян разных цветов, бурки или накидки из войлока с длинным ворсом, разноцветный войлок, грубого плетения ковры, ткань из хлопка. Все эти товары отличаются высоким качеством. В Карассу-Базаре имеется несколько фабрик по производству грубой ткани, сафьяна, войлока и других материалов. В некоторых местах устроены красильни, мыловарни и прочие незначительные фабрики. В горах население занято производством черепицы, кирпичей и глиняной посуды, также немало тех, кто мастерит телеги и орудия для пахоты, которыми снабжают весь Крым» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 30 об., 31].

Пристальное ознакомление с домашними промыслами населения, с его культурными традициями, природными богатствами исследуемых краев, наблюдение за торгово-рыночными отношениями, привело путешественника к мыслям о необходимости усиления роли собственного ремесленного производства и торговли. В этой связи национальная торговля, не зависящая от турецких купцов, по мнению Гибалья, могла стать залогом развития Крыма. Но он отмечал, что «Внутренняя торговля в Крыму развита слабо, и имеется мало состоятельных купцов. Вместе с тем, рынки изобилуют разнообразием товаров. Татары ведут торговлю внутри страны фруктами и овощами, которые они везут на своих огромных возах до Одессы. Прибрежные татары торгуют на море, развозя товары на своих плохоньких лодчонках в поселения на всем побережье от Севастополя до Феодосии. Внешняя торговля распространяется на более обширное пространство. Она включает, в основном, злаки, большая часть которых поступает из поселений ногайцев, расположенных на реке Молочные Воды, а также из колоний немцев-меннонитов; также экспортируют кожи, сало, соленую рыбу. Эти товары немногим отличаются от тех, что вывозят из прочих мест, расположенных на побережье Черного и Азовского морей. Среди привозных товаров преобладают товары турецких фабрик, которые удовлетворяют потребности татар, армян и другого населения. Торговля с Турцией ведется через порты Феодосии и Козлова» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 31 об].

Вопросу турецкого влияния в Крыму путешественник уделяет достаточное внимание. Сохранявшееся присутствие турок он называл «гнетом», причиной разорения, возникновения эпидемий чумы, экономической отсталости края. По его мнению, турки рассматривали Крым в качестве своей вотчины, поэтому нещадно грабили его богатства. Поэтому он считал необходимым «...подбодрить торговые связи, которые уже установились, и постараться, чтобы Русские взяли торговлю в свои руки». Одновременно, как он считал, уже появились основания к тому, «чтобы торговля Турок сошла на нет» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 221]. Гибаль писал, что «У русских для торговли есть то преимущество перед Турками, что в их

руках имеются товары, которых недостает у населения, причем их множество и все они превосходят качеством турецкие изделия...Вместе с тем Турки не имеют в торговле поддержки со стороны своего правительства; почти все они небогаты и не могут создать купеческие общества, которые могли бы помешать интересам России» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 133].

Прокладка внутренних коммуникаций, сеть которых совершенно не развита на полуострове, в условиях, когда по Южному берегу Крыма путешественник мог с трудом пробираться только верхом, должна стать первоочередной задачей: «Сообщение внутри полуострова развито плохо, и во многих местах, особенно в горах, дорог для проезда телег и вовсе не имеется. На Южном берегу Крыма, как и повсюду на побережье, таких дорог тоже нет. В этом кроется причина того нищенского состояния, в котором прозябает такая прекрасная часть полуострова» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 31 об., 32].

Что касается внешней торговли, то, по наблюдениям П. Гибалья, Россия пока недостаточно использовала Черное море. Так, с княжествами на Черноморском побережье Кавказа она торговала по суше через Грузию караванами из 6–8 лошадей, хотя расцвет ее связан с навигацией по Черному морю; тем более что и здесь у русских также отмечалось преимущество: «...торговый и военный флот России обладает явным превосходством, и одна лодка перевезет больше груза, чем все турецкие суда, вместе взятые. Если до настоящего времени русские не продвинули свои дела в такой области, это можно отнести к их недальновидности, опасениям, которые вызывает до сих пор это негостеприимное побережье, нехватки желая создавать новые учреждения и отсутствию богатых капиталов в России» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 133 об.].

В целом, личные наблюдения П. Гибалья, обстоятельно отраженные в воспоминаниях, и его аргументированные выводы об отличиях политики России и Турции в отношении Крыма могут свидетельствовать о цивилизаторской роли России, которая преследовала цель интегрировать полуостров в состав империи в качестве полноценной составляющей, развить его потенциал и приумножить его богатства.

Список использованных источников и литературы

1. Архив князя Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. М., 1881. Кн. 20. 531 с.
Arkhirv knyazu Vorontsova / Pod red. P. I. Barteneva. M., 1881. Kn. 20. 531 s.
2. Библиотека для чтения. Журнал. СПб., 1885. Т. 8. Отд. V. 27 с.
Biblioteka dlya chteniya. Zhurnal. SPb., 1885. T. 8. Otd. V. 27 s.
3. Ленц Н. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский Лицей. 1804–1917. Одесса, 1903. VIII, 386 с.
Lents N. Uchebno-vospitatel'nye zavedeniya, iz kotorykh obrazovalsya Rishel'evskii Litsei. 1804–1917. Odessa, 1903. VIII, 386 s.
4. Лернер Н. Первая Одесская газета. Одесса, 1901. 126 с.
Lerner N. Pervaya Odesskaya gazeta. Odessa, 1901. 126 s.
5. Lettres sur Odessa. Par Sicard aîné. St. Pétersbourg, impr. de Pluchart, 1812. 415 с.
6. Одесса. 1794–1894 гг.: К столетию города. Одесса, 1895. 836 с.
Odessa. 1794–1894 gg.: K stoletiyu goroda. Odessa, 1895. 836 s.
7. Петерс Д. И. Наградные именные медали Российской империи за гражданские заслуги (конец XVIII – первая четверть XIX столетия). М., 2007. 397 с.

- Peters D. I. Nagradnye imennye medali Rossiiskoi imperii za grazhdanskie zaslugi (konets XVIII – pervaya chetvert' XIX stoletiya). M., 2007. 397 s.
8. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 1–242 об.
RGADA. F. 1261. Op. 1. D. 2895. L. 1–242 ob.
9. РГАДА. 1261. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1–111.
RGADA. 1261. Op. 1. D. 2896. L. 1–111.
10. Сикар К. Письма об Одессе / Пер. с фр. Н. Трегубова. СПб., 1818. 156 с.
Sikar K. Pis'ma ob Odesse / Per. s fr. N. Tregubova. SPb., 1818. 156 s.
11. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. 288 с.
Tartakovskii A. G. Russkaya memuaristika XVIII – pervoi poloviny XIX v.: ot rukopisi k knige. M., 1991. 288 s.

Peters T. P. «Not of an unknown person on trip around the Crimea, the Caucasus and new Russia. 1818–1820» as a historical source of information on Crimea (experience of source research).

The article introduces into scientific circulation unknown archival document of the memoirs genre, written in French and dated 1818–1819 gg. It represents the memories of the journey to the southern regions of Russia. Translated into the Russian language are provided extensive details about the journey on the Crimean Peninsula. Discusses issues of attribution (the name and biography of the author of the memoirs) and personal observation of the traveler on the ethnic, geographic and socio-economic status of the Crimean Peninsula in the period. The document is notable for the novelty and relevance, is another historical source of information about the Crimea the first two decades of the nineteenth century and allows you to fill in the gaps of the historical-biographical nature.

Keywords: Memoirs of the 1st half of the XIX century; translated from the French language; introduction to the scientific revolution; historical source about the Crimea.